

Глава 1

В лабиринтах хитровских трущоб царили сумерки, сырость и мертвая тишина. Куда запропала вся шваль, которая испокон веку жила и процветала тут? Подозрительная тишь.

Квартал оцеплен милицией вот уже вторые сутки, о предстоящей облаве заранее пустили слух по всем ночлежкам, притонам, малинам. Мол, не волнуйтесь, граждане уголовники, всех выпускают — никого не впускают. Кое-кто воспользовался возможностью уйти и свалил, но этих, которых выпустили, мало, очень мало.

«Не может такого быть, чтобы это были все! Однако вот прочесываем, обнюхиваем все углы, шатаемся по всем помещениям — пусто, никого!»

Крысы, тараканы и прочие безобидные твари, разумеется, не в счет. Они-то не в состоянии до такой степени испоганить все вокруг, как испоганили люди. Под ногами чавкало, с потолка свисали мерзкие седые сопли, ветер, проникающий сквозь окна, заткнутые одеялами и газетами, спешил покинуть вонючее помещение. Какие-то твари с урчанием располза-

лись по углам, подвывая, шелестели человекообразные тени.

Вот, держа наган наготове, проклиная лед, намерзший на полах тяжелой шинели, народный следователь Мария Арапова пробирается вдоль осклизлой кирпичной стены, по узкому переулку между доходными домами Румянцева и Псакиса.

Отовсюду несло гнилью, водкой, капустой, испражнениями и... порохом?

Бесспорно, новая струя запаха — это сгоревший порох.

Мария, как ищейка, сделала крюк, принюхалась, подняла голову — точно, вот они, пропащие! Вверху, там, где под блеклым небом почти сходились крыши ночлежек, замелькали тени, пронесся быстрый шепоток, слышались шорохи, скрежет, топот по черепице.

«На крыше они, на крыше!» — хотела крикнуть Маша, но тут впереди, как в прицеле, замаячила знакомая черная фигура.

Нелепая, корявая, перекошенная, припадающая на одну ногу, она слепо тыкалась из стороны в сторону, шарила ладонями по кирпичам, точно пытаясь нащупать выход в сплошной стене.

Мария прицелилась, опустила оружие, со злостью куснула руку, чтобы не дрожала. Снова аккуратно, как на занятиях по стрельбе, подняла наган, поймала в прицел тень, мечущуюся по длинному проходу. Приказала:

■ — Сапог, стоять! Руки вверх!

И в этот момент сзади грохнул выстрел, другой, третий. Будто что-то разорвалось в левой стороне груди, под лопаткой, по телу полоснуло горячее, раскаленное лезвие.

— Мамочки, как больно, — прошептала она, оседая на снег.

Перед потемневшим взором завертелись крыши, небо свернулось в воронку, властно за-тягивая Марию в никуда, в пустоту...

— Прекратить отсебятину! — взвизгнул кто-то таким голосом, словно провел железом по стеклу. — Перерыв! Да откопайте же ее!

— Вообще, это было подло и непрофессионально, — как могла, деликатно заметила Мария.

Голова гудела, половина лица не ощущалась вовсе, пострадавшее ухо ничего не слышало.

— Почему бы не напомнить про беруши? Понимаю, новичок, но...

— Простите, честное слово, не знаю, как получилось! — с глупой улыбкой каялся пиротехник, выковыривая из изрешеченной шинели подсадки, имитирующие попадание пули. — Не обижайтесь, я же не специально.

— Еще бы специально.

— Зато смотрите, как кучно прошли, аккурат под сердце!

— Спасибо, — по-прежнему сдержанно произнесла Мария, прижимая компресс к пострадавшему уху.

«Конечно, он же пиротехник, у него, не иначе, ежедневно по десять сотрясений мозга. ■

Вряд ли у этого глупца что-то там осталось, за его чугунным лбом. Mamочки, как больно...»

— Я ж так старался, чтобы все красиво сделать. Правда натурально получилось?

— Весьма, — съязвила врач, показывая Марии жестами, что надо пошире раскрыть рот.

Та огрызнулась:

— Да слышу я! Одним ухом.

Врач, не обращая внимания на грубость, продолжала:

— Только ты ее чуть, натурально, не угробил. На больничный пойдет недели на три, не меньше, это если без госпитализации обойдемся.

— Никаких больничных! — снова встрял визгливый голос.

Ах да. Юное дарование. Соловьев, старый добрый режиссер, слег с инфарктом, и вместо него рулил процессом съемок невыносимый субъект, ходячая пропаганда радужного движения. У этого сокровища имелось особое мнение по любому поводу, в том числе относительно всех видов революций. Особенно в той части, что касалось тотального уничтожения всего, что принято считать нормальным.

Вот и сейчас он, хлопая нарощенными ресницами, пищит, возмущая вселенную и окружающих своей аномальностью:

— У нас план, съемочный процесс и бюджет! А если вы не в состоянии обеспечить соблюдение этих требований, то всегда найдутся могущие! Между нами, я вас, Мария, по-прежнему в этой роли не вижу. Дайте же мне Ара-

пову! Дайте мне инферно, сияющую молнию, Дзержинского в юбке! Рожденную революцией, черт подери, а не гламурную феечку! Неталантливо!

— А тебе все, что без кожаных трусов и не мужик, неталантливо, — чуть слышно пробормотала врач.

Мария, не сдержавшись, прыснула и тотчас зашипела от боли.

— Тихо-тихо. Только не напрягайся. Давай-ка прямо сейчас в клинику, а если этот, мать его, фей попробует хвост поднять — настучу на него в профсоюз. Совсем опух, людей живьем убивать.

Дома Мария продолжала переживать.

— Наверное, он в чем-то прав, — говорила она мужу, прижимаясь компрессом к дивану и прикрывая глаза. Голова гудела, как котел. — Ну, в самом деле, какой из меня следователь? Зря только вышла из своего ампула.

— Ты разноплановая актриса и не по своему хотению вышла. Соловьев сказал, что Маша Арапова отличная и другую он в этой роли не видит, — напомнил Лев Иванович, преподнося расстроенной супруге чай и обнимая ее. — А раз мэтр сказал, этому дециметру помалкивать бы в тряпочку.

Он ласково, как маленькую, погладил жену по голове — и с немалым удивлением увидел, что у Марии дрожат губы.

— Перестань! Что ты, в самом деле, распереживалась. Отдохнешь. Как раз к тому времени,

как выздоровеешь, поправится и нормальный режиссер. Все пойдет как по маслу.

— Мне уже сейчас не на что опереться. Должен быть какой-то смысл в фильме, а не бегание с наганом. К чему все это? Я не понимаю сути этого исторического процесса в кинокартине, — раздраженно ответила она.

— Суть того процесса многие современники не понимали, — успокоил супругу Гуров, — а теперь еще и историки. И потом, тебе же не суть надо изобразить, а процесс. Вот тут большого ума-то и не надо: выкатывай глаза, надуй щеки и божись именем революции. Да, и не забывай упоминать революционную же целесообразность и повстанческих подпольных черносотенцев.

Мария попыталась рассмеяться и снова застонала.

— Все, все, не буду больше, — пообещал Лев Иванович, хлопая себя ладонью по губам. — Не знаю, я не специалист, но мне лично роль твоя понравилась. Хотя в целом показалась необычной Мария в виде следователя Араповой. Кстати, кто это?

— Кто ж ее знает. Сценариста спроси.

— Нет, кто такие Араповы, я, конечно, помню. Целая эпоха, династия оперативников. Владимир Арапов маньяка Мосгаза брал. Если ничего не путаю, с ним один из Вайнеров служил, с него, говорят, и списал то ли Жеглова, то ли Шарапова, то ли обоих сразу. Ну а ты, наверное, его мама или тетя.

— Не знаю кто. Неважно, — по-прежнему раздраженно отрезала Мария, постукивая пальчиками по планшету. — Кому вообще нужны эти ностальгические движущиеся картинки. И ах ты, какие все честные, открытые, самоотверженные, Павка Корчагин и внуки! Один раз прокатят под седьмое ноября — и давай — до свидания!

— И из дерьма можно сделать конфетку, если человек с талантом, — авторитетно заявил муж. — Не переживай. Все будет хорошо. Просто пиротехник склеротик, у тебя теперь ухо болит. И этот старый хрыч Соловьев не вовремя вздумал хворать. И, кстати, о хрычах...

В этот момент запиликал телефон.

Старый генерал по привычке представился:

— Орлов.

— Слушаю вас внимательно, — отозвался Гуров.

— Лева, с утраца завтра загляни ко мне, по архиважному делу.

Полковника передернуло от этого «архи». Вспомнились студенческие годы и преподаватель, частенько именно так говоривший.

— По какому-какому? — переспросил он, ежась.

— Архи... — Тут уже сам Орлов поперхнулся, видимо, вспомнив вождя мирового пролетариата, употреблявшего слово «архиважно», и сказал раздраженно, но проще: — Короче, важному. У меня все.

Лев Иванович отложил телефон, походил по комнате, держа руки за спиной, и задумчиво протянул:

— Кстати, о хрычах, господа...

— Гуров, если ты не перестанешь меня смешить, у меня ухо взорвется, — предупредила Мария.

— Извини, пожалуйста. Чудно, генерал хочет меня видеть по одному архиважному делу. Точь-в-точь так выражался не только вождь мировой революции, но и еще один хрыч, исключительной поганости.

— Еще один хрыч. А первый, стало быть... Орлов. А ну как доложу генералу, как ты его за глаза зовешь, — пообещала супруга.

— Не сдашь же ты собственного мужа. И потом, я с любовью и уважением называю. Хрыч разный попадается, — заметил Гуров солидно и со знанием дела. — Тот, второй, о котором лично я говорю, был хрыч еще тот. Пробы ставить негде. На его счету не одна цистерна выпитой крови студентов.

— Ну, понеслось. Давай без студенческих триллеров, — попросила Мария, морщась. — Все преподы во всех вузах одинаковые. Ты ведь с моими наставниками не был знаком.

Гуров, подумав, признал, что всех он действительно не знал, знал лишь тех, что видел на экране и сцене.

— Я почему не люблю фильмы про вампиров? Мне нашего пана Ректора хватило...

— Пана Ректора?

— Это был особый фрукт. Он перешел к нам из одного маленького психиатрического заочного юридического института, а потом в него же и вернулся. Этот пан Ректор руководил юринститутом, да так умело и до такой степени чутко, что педагогический состав поднял бунт. В этой связи он и укрылся в универе. За ним так и осталось прозвище пан Ректор. О, как он валил студентов! Это «Кармен», Бизе! Бой опытного тореадора с новорожденными телятами.

— Ну-ка?

Видя, что супруга увлеклась его рассказом и позабыла об огорчениях, Гуров почувствовал вдохновение.

— Рассказываешь все, что добросовестно выучил! О чем прочел от и до, курсовики самолично настрочил, о том, в чем считаешь себя сведущим. А этот... пардон. Ну или ногти чистит, или зеваает, а на закуску обязательно выдает со скучающим видом: «Ну это все понятно...»

— Подлец, — искренне посочувствовала жена. — А дальше?

— Дальше в зависимости от настроения. Говорит банальное: «...и что из того?», или умное: «...а вот чем отличается система от совокупности?».

Мария, поразмышляв, спросила, к чему пан Ректор задавал последний вопрос. Гуров признался, что не знает, но отличия выучил наизусть, на всякий случай.

— Да, пожалуй, соглашусь, что до такой степени злобных преподав у меня не было, — заявила Мария. — Смотри, сколько лет прошло, а тебя до сих пор гложет.

— Ну что ты, я великодушен и не злопамятен.

— Ага. А про старого хрыча-то вспомнил?

— Так это по аналогии. Видишь ли, генерал один в один по-Ректорски сообщил, что ждет меня видеть по «архиважному» делу. Еще бы «р» не выговаривал — точь-в-точь пан Ректор. Вот и навеяло.

— Он что, еще и картавил? — давясь от смеха, уточнила Мария.

— Да еще как, прямо по-ленински, — подтвердил Гуров и с облегчением подумал: «Ну слава богу, успокоилась».

Глава 2

Прибыв в управление и поднявшись на этаж, уже у кабинета Орлова Гуров обнаружил непривычно мрачного Крячко. Оказалось, что полковника тоже мучили воспоминания о пятне, омрачавшем его светлые студенческие времена. То есть о пане Ректоре.

— Всю ночь чертовщина снилась. Будто я в очередной раз в родной аудитории заваливаю у этого кровососа теорию государства и права, — признался Станислав, понизив голос, — нормально? А сколько лет-то прошло. С чего бы это?

— Как с чего. Генерал приглашал пошептаться по архиважному делу? — уточнил собрат Гуров.

— Точно. Вот с этого, значит, чертовщина и снилась.

Вскоре выяснилось, что зловещая тень пана Ректора была вызвана к жизни не только его любимым словом «архиважно»...

Верочка радушно распахнула дверь, но на этом испытываемые сыщиками положительные эмоции и закончились. Генерал был задумчив и мрачен, как туча, и долго собирался с мыслями, решая, с чего начать разговор. Эти приготовления ничего доброго не сулили.

Наконец, тяжело вздохнув, он полез в сейф и извлек коробку:

— Вот, смотрите, какая штукенция.

— Пальчики сняли? — пошутил Крячко, на что генерал сказал вполне серьезно, что сняли, равно как и пробы для экспертизы.

— Пробы-то зачем? — спросил Гуров несколько озадаченно.

— Вот как раз это пока тебя не касается. Неважно. Смотрите да рассматривайте. Даже можете потрогать, если есть желание.

Лев Иванович пожал плечами и послушно принялся рассматривать коробку. Она была клееная, покрытая качественным шпоном, нарочито грубо отполированным, на крышке красовалась выжженная стилизованная литера «Д@». Внутри, в гнезде из древесной стружки, покоилась «штукенция» — продолговатая

ключница из кожи цвета густого красного вина. С первого взгляда видно, что сделано не в Китае, сработано на совесть, с исключительным изяществом. Благородно мерцали металлические детали, цепочка и клепки, точь-в-точь состаренное серебро. Но самое главное — это рисунок на ключнице, чуть выступающий над поверхностью. Крест, роза и готическая надпись: «Der Mutter die mich nie geboren», рисунок черно-белый, несмотря на отсутствие цветов, выглядел объемным, мастерски исполнен короткими, нервными штрихами, как на полотнах Ван Гога.

Станислав, повертев вещицу в руках, протянул:

— Красивая вещь. Мне бы такую на день угро. Если вот сюда монеток натолкать, то кистень получится.

— Не знаю, что там у тебя получится, — ворчливо заметил Орлов, постукивая карандашом, — и подарок не тебе. Один уважаемый человек уже получил эту вещь на День юриста, после чего угодил прямиком в реанимацию.

— Растрогался, — предположил Крячко. — Или вещь отравлена?

Гуров взял у коллеги вещицу, повертел, осмотрел со всех сторон, потянул носом:

— Ну что, интересно. В основе-то кожа толстая, судя по рыхлой и грубой структуре, скорее всего, крупный рогатый скот, бык.

■ — А картинка?

— А картинка на накладке, кожа накладки другая по фактуре, тонкая, и оттенок отличается. Красиво, но быстро вытрется. Жалко.

Генерал усмехнулся:

— Не вытрется. Набито на совесть.

— Да, странно, это не рисунок на поверхности и не тиснение. — Гуров постучал пальцем по надписи. — А что сия надпись значит?

— Я в последнее время по-немецки не говорю, — посетовал Крячко. — Возможно, вот Вера знает.

Верочка, которая стояла рядом с генералом, держа папки с документами и стакан чая, медленно отозвалась:

— Разумеется, знаю. Еще бы не знать. «Матери, которая меня не родила».

Крячко поперхнулся.

— Ничего себе, пошутил.

— Верочка, ты, оказывается, полиглот, — с уважением заметил Лев Иванович.

Вера сморщила носик:

— Да бросьте. Ерунда. Младший племянник замаял своим «Раммштайном», к тому же учит немецкий. Вот кое-что и запомнила.

— Вот оно что...

Орлов, хмыкнув, быстро проставил подписи на документах и отправил Верочку обратно в приемную. Подождав, пока секретарь плотно прикроет за собой дверь, Лев Иванович продолжил:

— Ну, хорошо. Пока не понимаю, чем такой милый, пусть и непрактичный, подарок может

привести в реанимацию, тем более отца, а не мать.

— И что за архиважное дело нам с вами следовало обсудить? — осведомился Крячко.

Генерал потер лицо, собираясь с мыслями.

— Да вот, собственно, по поводу этой ключницы. Ситуация, знаете ли, складывается некрасивая и скользкая... — Он замолчал.

Стремясь ускорить мыслительный процесс генерала, Крячко задал наводящий вопрос:

— Ситуация со Счастливым? С паном Ректором?

Генерал дернул бровями:

— В общем, да, с ним. Вы же у него оба учились?

— Я так и знал, — сокрушенно произнес Станислав.

— И я, — вставил Гуров.

— Недаром всю ночь библиотека снилась.

— Какая библиотека, что ты городишь? — недовольно спросил Орлов.

— Большая. В основном книги Достоевского, и особенно «Бесы».

— Ладно вам. Не надо нагнетать обстановку. Вот вы передо мной, здоровые, румяные, с высшим образованием и в чинах, а ваш наставник...

Станислав открыл было рот, но генерал сделал знак, и возражений не последовало.

— В любом случае ситуация такова: третьего декабря, получив эту вещицу в подарок, пан Ректор загремел в реанимацию. В настоящее время

Олег Емельянович пребывает в кардиоцентре, в Бакулевке. Его откачали и перевели из реанимации в палату. Состояние пусть и стабильное, но тяжелое. Так вот, он очень просит вас, цитирую: «дорогих мальчиков», навестить его.

Станислав с надеждой осведомился:

— Нельзя ли в письменной форме передать, что мы ему все прощаем? И другие тоже, уверен. Мы, правоведаы, народ великодушный.

— Я подписываюсь, — поддержал Лев Иванович.

Генерал с укоризной напомнил:

— Слушайте, не за горами Новый год, Рождество, полагается раздавать подарки, излучать радость и свет. Съездите, сделайте доброе дело, чтобы на старости лет совесть не заела.

— Кого? — требовательно спросил Крячко.

— Вас. Ну и меня. И потом, не забывайте: Олег Емельянович не абы кто, а руководство одного из ведущих вузов страны. Выпустил не одно поколение правоведаов, готовит кадры и для нас, причем в основном. И насчет диссертаций тоже, того...

— Есть, — кивнул Гуров. — Штукенцию можно взять или лучше сфотографировать?

— Да, забирайте.

Уже на пороге Станислав уточнил насчет пальчиков, не нашлись ли на коробочке.

— Ничего особенного. Отпечатков пальцев взрослых нет, возможно стерты, только какой-то ребяенок залапал. Наверное, домой работенку эксперты таскали, неряхи.

Чтобы не стоять в пробках и не тратить зря время, поехали на метро, и всю дорогу до Бакулевки Крячко предавался недостойному занятию, то есть вспоминал старые обиды:

— Вот умеет генерал уговаривать. «Сделайте доброе дело», «совесть, ум, честь». Сказал бы прямо: не поедете — пан Ректор назло с того света вернется сожрать наших студентиков. А заодно и соискателей заперет.

— Ясное дело, — согласился Лев Иванович.

— Сколько раз тебя этот аспид на переэкзаменовку отправлял?

— Да был казус. Как только пан Ректор из вашего института к нам в универ перешел, он был очень зол. Он прямо сказал, что пятерки таким, как я, не ставит. Чем я ему не потрафил — не ведаю. Я пересдал, правда, уже после того, как он вернулся к вам.

— Во, а на нас он ездил, как панночка на Хоме Бруте, — угрюмо сообщил Крячко. — По-подленькому. Сам понимаешь — вечернее отделение, да еще если уже на следствии трудишься, ну какие тут семинары-лекции? Нет-нет да пропустишь что-то и не особо паришься по этому поводу. Ведь повсюду только и разговоров: юные специалисты, вечерники-практики — это наше все. Ну а как до дела доходит, что ты! Меня он чуть не вышиб за прогулы, только представь себе. А как-то раз еще и за опоздание.

— Какое опоздание? — недоуменно спросил Гуров. — Он что, ночевал в академии? У тебя ж занятия начинались...

— Ну да, вечером, в семь тридцать. А вот слушай. Попросили меня заскочить в академию, за заключением экспертизы, около десяти я туда прихожу, чтобы удостоверением не светить, показываю студенческий... а этот гад стоит на проходной, отбирает у меня билет и картавит: мол, вы исключены, документы получите у секретаря. Опаздывать не надо, молодой человек! Если бы не Лиля... Ивановна...

— Кто-кто? — машинально переспросил Гуров.

— Ну, неважно, — отмахнулся тот, — я бы его порешил бы прямо в рабочем кабинете.

Льву Ивановичу постепенно становился ясным источник нежной ненависти, которую его друг испытывал к уже дряхлому, но некогда весьма деятельному преподавателю с оригинальным взглядом на методы обучения. Станислав же продолжил изливать израненную в студенческие годы душу:

— Еще у него была страсть к конспектам своих тухлых лекций. В последнюю ночь, как и положено, все доучиваешь, с билетом фартит, все отвечаешь, а он так, с ленинским прищуром: «Очень хогошо, а теперь конспектики попгошу, да еще чтобы обязательно газными пастами». Коли нет или все одного цвета ручкой написано — то все, лети на переэкзаменов-

ку. А для рабочего человека переэкзаменовка — швах!

— Да вообще черт картавый, — согласился Гуров, окончивший дневное отделение. Вечерникам и заочникам он всегда сочувствовал, а другу надо было выговориться. Нельзя же в таком состоянии заваливаться в палату к старому, больному сердечнику, пусть и упырю со стажем.

...Строгая медсестра с могучими руками, запустив их в одноместную палату, проверила капельницу и подкрутила на ней колесико. Глянув на часы, предписала не волновать больного, не засиживаться и, вообще, не сметь.

Сыщики пообещали. Выгрузив на тумбочку апельсины, пакеты с соком и бутылки с минералкой, они присели у скорбного ложа у окна.

То ли из-за того, что стены в палате были выкрашены в синий цвет, что премерзко отражалось на цвете кожи пана Ректора, то ли из-за опущенных штор, то ли из-за того, что пациенту в самом деле было дурно, смотреть на него было больно.

Травмированная студенческая память навсегда запечатлела того самого, прежнего пана Ректора — диктатора, сработанного из цельного куска гранита, с благородной сединой, мощными брылями и тяжелым, волевым взглядом. А тут на койке под казенным одеялом лежал дряхлый немощный старик. Его грудь судорожно поднималась и опадала, ключицы торчали из ворота, порядком поредевшие волосы при-

липли ко лбу. Впрочем, взгляд пана Ректора сохранил пронзительность и властность, руки не дрожали, и он не спрашивал с трогательной старческой наивностью, где он и кто они.

Пан Ректор перешел прямо к делу, и голос у него был точь-в-точь как прежде твердым, разве что картавость стала отчетливее:

— Видите ли, дгузья мои, дело до такой степени агхи... необычное, что я не могу довегиться кому-то, кгоме своих.

Гуров и Крячко всем своим видом показали, что оценили его доверие и гордятся тем, что пан Ректор им доверяет.

— Полгода года назад пгопал мой сын...

— У вас есть сын? — удивился Крячко и лишь чудом не прибавил «откуда».

Абсолютно всем было известно, как пан Ректор ненавидит женский пол — даже более отсутствия конспектов своих лекций. Его мизогиния носила характер одержимости и простиралась — за редкими исключениями, — абсолютно на всех, кто мог носить юбки и платья. Сдать пану Ректору его предмет, будучи дамой, было практически нереально, даже зная материал вплоть до запятой. Студентки предпочитали идти в декрет или сразу на комиссию.

Однако пан Ректор не обиделся на реакцию Станислава, а лишь кротко подтвердил, что, мол, да, есть. Точнее, был.

— Да. Мой сын, Данилушка, пгопал, из... санатогия. Он находился на лечении, в Подмо-

сковье, под городом Т. С тех пор ничего о нем не знаю... вот, на День юриста я получаю с кугебом вот эту проклятую штуку... ключницу. А на ней... в общем, это татуировка... — Он с трудом сглотнул, попросил воды. — Такая была у Данилушки, на правом предплечье.

Он сглотнул снова, потянулся к глазам и потащил за собой трубку капельницы. Крячком едва успел перехватить конструкцию, подал старику стакан воды и салфетку.

— Олег Емельянович, ну а просто совпадение?

— Спасибо. Я абсолютно уверен, что нет никакого совпадения. Гисунок тот самый. По поводу этой татуировки мы крупно повздогили с Данилушкой. Вообще, в последнее время мы часто с ним ссогилась, к сожалению, потому я думал, что сын обиделся и не желает меня видеть. Тепежь я уверен, что он убит, и не просто... кто-то сделал из него... издеваясь, посылают мне эту... это...

— Кто это — «они»? — мягко спросил Гуров.

— Если бы я знал. Потому я и попросил вас навестить меня. Людей, которые желали бы мне зла, слишком много. Вы ведь тоже от меня нагепелись, а, Квачко?

— Ну что старое поминать, — начал было Стас, отводя глаза.

— Бгосьте, — велел полуживой пан Ректор. — Я все помню. Будь у вас тогда табельное... да что там. Понимаю. А тут, как дошло до дела, выяснилось, что среди моих выпускников

масса начальства, а сыскагей, настоящих сыщиков, ппрактически нет. Я двадцать лет отдал следственной габоте, а кого я воспитал? Болтуны... законодатели... тгепачи. На исходе жизни оказалось, что я ничего полезного так и не сделал. Так что теперь мне и обгатиться больше не к кому. Так вот, милые мои. Мне не так важно, кто это сделал. Только бы выяснить, что с Данилушкой...

Тут немощь все-таки взяла верх, синеватые губы затряслись, из-под полуопущенных век потекли слезы — зрелище было жалкое. Хорошо, что в этот самый момент вошла медсестра и, увидев сцену вопиющего нарушения режима, без лишних слов выдворила обоих полковников из палаты.

Глава 4

От подобного обращения медсестры с сыщиками Лев Иванович и Станислав приходили в себя уже в метро. Гуров заметил, переводя дух:

— Хорошо, что не спустила с лестницы. Вот это харизма у медперсонала. Да, медик сейчас в цене и силе.

В глубине души Лев Иванович надеялся, что подобная демонстрация отцовского горя смягчила друга, но вскоре выяснилось, что Станислав продолжает испытывать недостойные мыслящего человека чувства:

— Не, ну вот неплохо сейчас было, Лева. Пан Ректор, упырь лихой, даже не извинился. ■

Еще и с издевкой: «Бгосьте, все я помню!». Он помнит! Каково?

Лев Иванович примиряющим тоном предположил, что извиняться старый препод считает непедагогичным.

— Ага! А как только приспичило, так и не к кому «обгатиться»! Это ему-то не к кому? Обращался бы сразу... к самому! Вам-то он талдычил, кого учил и заваливал еще в Ленинграде?

— Талдычил, талдычил, — успокаивающе подтвердил Гуров. — Что ты завелся-то так, Стас? Сколько лет прошло, а ты все как маленький обиды вспоминаешь.

— Прошло-то много лет, а с мозгами-то у него по-прежнему швах. Видите ли, все бросайте и отправляйтесь выяснять, где его мальчик. Позвольте спросить: куда, для чего, зачем? И был ли мальчик?

— Ну ты уже совсем утрируешь, — с укоризной заметил Гуров. — Ну а что-куда-зачем, то это легко проверить, если заявлял в розыск...

— Это если заявлял, — продолжал Крячко. — Ты, верно, не в курсе, какой пан Ректор забавник и трус, как не любит сор из избы выносить! Вот если бы, скажем, пол-института грохнули и освежевали, то он бы просто объявил субботник и послал уцелевших кровь отмывать — и только!

Гуров представил апокалиптическую картину и невольно хмыкнул и подумал: «Интересно.

■ Если найдется хотя бы еще с десятков бывших

студиозусов, которые так же относятся к пану Ректору, как Стас, то я бы не рискнул строить предположения, кому из них может быть выгодно ему насолить».

— Что, если у него ум за разум зашел на старости лет? Профессиональная деформация, не скажу — деменция. Может, и сына-то никакого нет. Может, он воображаемый?

«Вот разошелся», — подумал Лев Иванович и пытался воззвать к разуму, а не мстительно-сти друга:

— Это как раз легко проверить. Если, конечно, сын законнорожденный, признанный. Полагаю, что так оно и есть, иначе с чего уж так ему убиваться? Тем более что врачи говорят: опасности для жизни пана Ректора нет, рановато ему исповедоваться. Пара запросов, и мы про его сына кое-что узнаем.

Убедившись, что друг и коллега пребывает в предновогоднем, благодушном и всепрощающем настроении и не желает проклинать старого людоеда, Станислав безнадежно махнул рукой:

— Да понял я, понял. Ладно. К чему формальности, больно надо время тратить. Один звоночек, пара стаканов чаю... ты чай будешь?

— Нет.

— Тогда три стакана, — мстительно пообещал Крячко и набрал номер телефона:

— Лилечка Ивановна, душа моя! Как твои дела?

В ответ прозвучал мощный бас:

— Вашими молитвами. Что, Крячко, по рюмочке чаю?

— Что мелочиться нам, взрослым людям. Сразу по стаканчику.

— Подваливай.

Поскольку до института (теперь уже академии), который окончил Крячко, было недалеко, поэтому загадка личности Лилии разрешилась скоро. Бас, звучавший в трубке, принадлежал миниатюрной и изящной, как китайская статуэтка, женщине, похожей на младшую сестрицу Майи Плисецкой. По факту женщина являлась бессменным секретарем пана Ректора последние лет сто. Крячко, немедленно трансформировавшийся из старого злопамятного ворчуна в галантного рыцаря средних лет, преподнес женщине цветы и припал к ручке.

Царила Лилия Ивановна в приемной Ректора, которая совершенно не выглядела как положено, то есть безлико и официально. Здесь было уютно и даже как-то приветливо, стулья для посетителей, почему-то не стандартного черного, а теплого кофейного цвета, в цвет обивки ректорской двери, так и тянули присесть и поболтать. Два огромных, под потолок, беспрерывно цветущих китайских розана повышали настроение не у одного поколения учащихся. Пахло кофе и почему-то выпечкой.

У секретаря пана Ректора были карие глаза с острым взглядом, черные ломаные брови, явно без жалости и много лет формируемые по

определенному шаблону, строгая, ни волоска в сторону, прическа, безупречная фигура без грамма лишнего жира. Интересно, что сама по себе она не производила впечатления доброй, душевной особы, но, по-видимому, под этой непрístupного вида оболочкой скрывалось отзвучившее сердце.

Усадив гостей, она открыла специальный шкаф, быстро и со вкусом превратила рабочий стол в чайный, расположив в идеальном порядке стаканы в подстаканниках, угощения, сахарницы и все прочее, что всегда припасено у хорошей хозяйки для всегда желанных, пусть и неожиданных, гостей.

— Как всегда, в своем репертуаре, — пророкотала Лилечка Ивановна, разливая чай в стаканы, — хватай тару и излагай свое дело. Станислав Васильевич просто так своей душой не назовет, — со знанием дела пояснила она Гурову ласковое к ней обращение Крячко по телефону.

Станислав, к удивлению коллеги, с огромным удовольствием отхлебнул чаю.

— Лилек, твой чай... спиртного не надо. А теперь расскажи, пожалуйста, откуда у пана Ректора сынок Данилушка.

Лилия Ивановна с кокетливым видом поморщилась:

— Бога ради, не заставляй интеллигентную женщину прямо отвечать на подобные вопросы. И потом, тебе-то что за дело? Метишь на панское наследство?

— Ну что ты, что ты, — сказал Крячко, утирая «чайный» пот со лба.

— Ладно, не хочешь говорить — не надо, дело твое. Потом сам прибежишь и будешь упрашивать, а я еще подумаю, разговаривать ли с тобой.

Лилия Ивановна извлекла из длинного полированного ящичка сигарету необычного цвета и аромата и закурила, пуская дым в табличку «Не курить!». Сразу запахло тропиками и морем.

— Если вкратце, то трудная защита, бурное отмечалово и божественно рыжая соискательница, — сказала она.

— Ишь ты.

— Но, конечно, это было давно и неправда, — немедленно открестилась от своих слов изысканная сплетница. — Даниил ибн Олегович, он как-то сам — фух! — и появился в институте, чтобы смущать студенточек.

— Фото есть? — осведомился Крячко.

— Студенточек? — сострила Лилия Ивановна, открыла своим ключом дверь в кабинет начальства, по-хозяйски вошла и вышла, уже имея при себе фото в рамке.

— У вас что же, от всех замков в учебном заведении ключи имеются? — с немалым удивлением спросил Лев Иванович.

— Конечно, — просто отозвалась секретарь, пожав плечами. — Как же иначе.

Станислав, разглядывая портрет ректорского сына, заметил:

— Мама-то и в самом деле была красавица. И в самом деле рыжая. А кто такая?

Чуть опустив веки, Лилия Ивановна выпустила струйку дыма и скривила губы:

— Помилуй, мне-то откуда знать. Шеф со мной не секретничает, все приходится устанавливать самой. Единственное, что скажу совершенно определенно: в свидетельстве о рождении Даниила Олеговича в соответствующей графе проставлен жирный прочерк.

— Так у вас и доступ ко всем документам имеется? — снова подивился Гуров.

— Разумеется, — уже несколько колко подтвердила она и затушила в пепельнице окурков. — Для чего еще нужны секретари. Для красоты?

— И для этого тоже, — вставил Крячко. — Эва как, прочерк. Какой нюанс! Ну, у пана Ректора, само собой, алиби железное? Никаких рук-ног в хозяйственных сумках и обводных каналах...

— Фи, неостроумно, — не одобрила шутку секретарь, — и нехорошо.

Станислав сделал вид, что засмутился, и сменил тему:

— Лилек, фото-то явно старое. Поновее нет?

— В личном деле есть кое-что, но и они не из последних.

Лев Иванович уточнил:

— То есть вы считаете, что он сильно изменился? Были предпосылки?

— Были, — подтвердила она, — изменился, полагаю, сильно.

— Ну а если говорить спокойно и беспристрастно, то что в целом вы, Лилия Ивановна, могли бы сказать о Данииле Олеговиче? Хотя бы образца того периода, когда вы с ним общались.

— Я пристрастна, — без малейшего раскаяния покаялась Лилия Ивановна, — поскольку знаю его с детства. Ничего плохого про него не скажу, он всегда был очень милым ребенком. Но если абстрагироваться... — Она задумалась, потом спокойно и методично принялась перечислять: — Скрытен, себе на уме. Сильно зависим от отца, хотя и сам по себе имеет немалый вес в научном мире. Поздний, болящий ребенок...

— В каком смысле? — уточнил Крячко.

Лилия Ивановна скособочилась:

— Позвоночник искривлен, прихрамывает. Последствия легкой формы детского паралича.

— То есть он ограничен в движениях? — спросил Гуров.

— Нет, — возразила Лилия. — Отец потратил массу денег на его реабилитацию. Лечебная физкультура, диета, санатории, в том числе за границей. Прихрамывал, конечно, но не критично. При обострении болезни ходил с тросточкой.

— Но мыслительные способности, надо полагать...

— С ними полный порядок, — твердо заявила секретарь. — Превосходные знания английского, немецкого, итальянского языков, плюс

латыни, это не считая отличной учебы. Великолепно рисует. Вот, это его работа, подарок мне на мой день рождения.

Женщина сняла со стены рисунок в овальной металлической рамке, выполненный пером. На первый взгляд на нем была изображена Кармен с папироской в зубах. Со второго взгляда становилось очевидно, что это Лилия Ивановна образца десятилетней давности. Возможно, с оригиналом у копии было много расхождений, но личность узнавалась безошибочно, как если бы художнику удалось показать не столько внешность, сколько внутреннюю сущность.

К тому же, несмотря на отсутствие цвета, одними черно-белыми штрихами изображены были все неперенные атрибуты и самой Кармен, как персонажа — страсть, гордость, ветренность, — и даже летящие косы, алые ленты и роза в волосах.

«Еще немного — и послышатся фламенко и кастаньеты, — подумал Лев Иванович, рассматривая рисунок, переданный ему Станиславом. — В самом деле, великолепный рисунок. Лаконично и талантливо».

Лилия Ивановна, подождав некоторое время, деликатно изъяла из рук Гурова рамку с рисунком, снова повесила ее на стену и завершила анамнез:

— В общем, любимый сын Ректора.

— Интрижки? Женщины? — поинтересовался Станислав.

— Вообще ничего, от слова «абсолютно».

— Ты сказала, что он скрытен.

— Разве можно что-то скрыть так, чтобы никто не знал, тем более я? — задала она риторический вопрос. — Вот здесь, — Лилия Ивановна показала на другой шкаф, запертый на ключ, — запротоколирован практически каждый день его жизни. Кто-то бездельничает, кто-то занимается спортом, кто-то увлекается музыкой. Даниил посвятил себя науке. Он все время учился. Не просто на одни «отл.». Сокурсников он опережал в учебе на год, по некоторым дисциплинам — на два. Отец не особо баловал его деньгами — и Даниил подрабатывал репетиторством. Жил по строгому распорядку дня. Подъем в шесть, отбой в одиннадцать. Получил красный диплом, окончил аспирантуру, защитил диссертацию, стал преподавать у нас на кафедре... — Лилия несколько снизила пафос повествования и закончила: — И потом, узнай папаша о посторонних занятиях — последовало бы наказание. Это только со стороны казалось, что отец им не руководит, сынок был под колпаком хлеще мюллеровского.

— Да, интересно, — протянул Лев Иванович.

— Лилечка, теперь давай про пропажу.

Лилия Ивановна с веселыми искорками в глазах прищурилась:

— Ишь ты, сыскарь. Сам не желаешь трудиться?

— Я?! — возмутился Крячко, театрально хватаясь за сердце. — Да я самый трудящийся из всех трудяг, просто...

— А тебе не кажется, Стас Васильич, что это ты лучше меня можешь выяснить необходимые тебе сведения?

Полковник с готовностью занял:

— Ну, Лилек, покуда мы, убогие, будем выяснять и вникать, что, да как, да почему, это же столько времени пройдет. А ведь ты и так уже все на свете знаешь.

Ничуть не смутившись, секретарь согласилась:

— Да, это факт. Не плачь, так и быть, расскажу. — Лилия Ивановна помолчала, собираясь с мыслями, потом принялась излагать: — Итак. Счастливый-младший пропал порядка шести месяцев назад. Он самовольно покинул клинику...

«Старый лис, а втирал-то про «санаторий», — припомнил Гуров, — врет по любому поводу, даже если это и ни к чему — какая разница, кто где лечился?»

И переспросил:

— Извините, Лилия Ивановна, клинику? Не санаторий?

— Нет, наркологическую клинику.

— Как это — наркологическую? — удивился Крячко.

— Ну да, — нетерпеливо повторила секретарь, изобразив длинными пальцами по столешнице дробь — точь-в-точь кастаньеты, — частную наркологическую клинику.

Сыщики переглянулись. Всезнающая Лилия Ивановна явно не испытывала снисхождения к тем, кто соображал медленнее ее. И с раздражением осведомилась:

— А что конкретно удивляет, господа? Что же, отпрыск такого родителя имел шанс не спиться?

— Разве Даниил Олегович пьет? — по-простецки уточнил Гуров.

Лилия Ивановна поджала губы и качнула головой в знак согласия.

— Весь из себя положительный, усердно учится, находится под постоянным присмотром — и спивается? — удивился Лев Иванович.

Секретарь вновь кивнула.

— Неувязочка какая-то. Чтобы кукушка поехала, нужны предпосылки, — заметил Станислав напрямую. — Так нас учит криминология.

Секретарь согласилась, что какие-то предпосылки наверняка были:

— Иначе с чего папа — после красного диплома, защиты диссера, преподавания — вышибает любимого сына из академии, да к тому же по собачьей статье: пункт восьмой восемьдесят первой Трудового кодекса.

— Иначе говоря?

— Аморалка.

— О как. То есть отец его уволил?

— Ну, скажем так: Счастливый-младший написал заявление об увольнении по собственному желанию. Но иного выхода у него не было.

— Грешен был Данилушка? — уточнил Станислав.

— Ничего подобного. Не было греха за ним и быть не могло. Помимо прочего, сын унаследовал хворь папы, женоненавистник еще тот, разве что вежливый. Вот после этого-то изгнания из рая Данилушка отправился на землю. Участковым, — уточнила она, выдержав паузу.

Получилось эффектно: Лев Иванович сначала решил, что ослышался, Станислав, судя по выражению лица, был просто сражен.

— Кем?!

— Участковым инспектором, — повторила Лилия Ивановна, явно наслаждаясь произведенным впечатлением.

Гуров потер лицо ладонью, вздохнул:

— Жестоко. Прямо-таки бесчеловечно.

Лилия Ивановна вновь закурила и согласилась:

— Я разделяю вашу точку зрения. И тоже считаю, что отец поступил, руководствуясь ложной идеей о шоковой педагогике. В целом мальчик-то жизни настоящей не видел, и, понятно, карьера не заладилась. К тому же подобная работа не способствует трезвости и психологическому здоровью.

И, поскольку сыщики молчали, Лилия выразилась точнее:

— Спился, короче говоря.

— Вот так и происходит утечка мозгов, — посетовал Станислав, сокрушенно качая голо-